

Вышенская Юлия Павловна

КАТЕГОРИЯ ЖАНРА КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ "THE CANTERBURY TALES")

Настоящее исследование представляет собой попытку рассмотреть категорию жанра как стилеобразующий фактор в эпоху позднего Средневековья и раннего Возрождения. Изучение вопроса производится с опорой на интегративный подход, а также с учётом социокультурной и лингвоэтнической специфики текстового материала, заимствованного из "The Nun's Priest's Tale" ("Рассказа Монастырского Капеллана") из поэмы Дж. Чосера "The Canterbury Tales", интерпретируемого как жанр бестиария.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 55-58. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81/112

Филологические науки

Настоящее исследование представляет собой попытку рассмотреть категорию жанра как стилиобразующий фактор в эпоху позднего Средневековья и раннего Возрождения. Изучение вопроса производится с опорой на интегративный подход, а также с учётом социокультурной и лингвоэтнической специфики текстового материала, заимствованного из «The Nun's Priest's Tale» («Рассказа Монастырского Капеллана») из поэмы Дж. Чосера «The Canterbury Tales», интерпретируемого как жанр бестиария.

Ключевые слова и фразы: категория жанра; стиль; историческая стилистика и поэтика; тропы и фигуры; бестиарий; стилиобразующие факторы; жанровый разграничитель.

Вышенская Юлия Павловна, к. филол. н., доцент

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

clemence_isaure@rambler.ru

КАТЕГОРИЯ ЖАНРА КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «THE CANTERBURY TALES»)[©]

Доминанта категории стиля среди прочих художественных категорий, отмечаемая в исследованиях по исторической стилистике и поэтике, определяется всем поступательным ходом развития европейских литератур. При изучении стилиобразующих факторов на национальном литературном материале следует учитывать различные аспекты как универсального, так и лингвоэтнического свойства.

К лингвистическим факторам, прежде всего, относится категория жанра, которая занимает особое место в ряду стилиобразующих факторов вследствие невозможности существования литературы вне её рамок [4, с. 45].

Настоящее исследование имеет своей целью рассмотреть роль жанра как стилиобразующего фактора в эпоху позднего Средневековья и раннего Возрождения на текстовом материале жанра бестиария, представленного в цикле рассказов «The Canterbury Tales».

Целью определяются задачи частного характера, решение которых необходимо для её достижения: выявить взаимозависимость категорий стиля и жанра, определить уровень их теоретической обоснованности в отмечаемую эпоху, проследить эволюцию взглядов на рассматриваемые лингвоэстетические явления, проанализировать конкретные примеры с учётом культурной среды позднего Средневековья и раннего Возрождения.

Каждому этапу развития литературы присущи свои особенные проявления и функции категории жанра. В число наиболее важных включают роль жанра как литературной традиции [11, с. 15], что обретает особую важность при рассмотрении соотношения категорий стиля и жанра и роли жанра как стилиевой доминанты в период развития средневековой литературы.

В средневековой культуре отсутствовала тенденция к расширению спектра «почитаемых ею научных и литературных авторитетов» [2, с. 297], в чём и заключается её специфика, одним из аспектов которой является достаточность для неё апробированного школой и традицией [Там же]

Причины отсутствия в Средневековье интереса к «Поэтике» Аристотеля усматриваются в сфере принципов, которые «регулируют и направляют» литературный материал. Так, если в «Поэтике» предпочтение, в обход стилистическим приёмам, отдаётся жанрам, то в фокусе внимания средневековых поэтик, напротив, находятся именно тропы и фигуры, категория жанра отступает на второй план.

Подобная картина наблюдается также и в поэтике гуманистов. Средневековье разработало свой категориальный аппарат литературной теории, включающей виды и подвиды, «всеисчерпывающие каталоги тропов и фигур» [Там же, с. 303].

Присущая средневековой эпохе, аттестуемой как эпоха стиля, склонность к иерархичным построениям определила специфику стилиевой классификации, заложив в её основу средневековое уровневое благородство. Отличие одного стиля от другого заключается в выборе слов и их соединений. Жанровый разграничитель – величина переменная, он может быть предметом подражания, средством или способом повествования. Жанровые определения «стремятся сложиться не в иерархию, а в систему» [Там же, с. 319-320].

Следует отметить, жанровая системность характерна для всего средневекового культурного универсума в целом. На основании изучения произведений средневековой русской литературы академик Д. С. Лихачёв приходит к заключению об отсутствии жёстких демаркационных линий между отдельными искусствами, появляющимися впоследствии. Причины тому кроются в синтезе искусств, характерном для христианства, религиозно-культурной доминанте Средневековья [7, с. 59-60].

Развитие литературы являет собой развитие жанровой системы, однако, по мысли академика Д. С. Лихачёва, это разворачивание во времени даёт ключ к разгадке её национального характера. Национальный характер подразумевает некоторые постоянные признаки содержания и формы, отличающие её от других национальных культур, и одновременно особенности исторического пути литературы, динамичного взаимоотношения с реальностью, постоянно меняющегося положения и роли в социуме. Исходя из этого, в определении национального своеобразия литературы важно учитывать её константы, характеристику её как единой цели, а также природу развития и отношений, в «которые вступает литература, ... положение её в культуре страны, её взаимоотношения со всеми другими сферами человеческой деятельности» [Там же, с. 9].

Все отмеченные особенности ярко проявляются в жанре бестиария, расцвет которого приходится на эпоху смены романского стиля в искусстве готическим. На материале бестиария зримо выделяется рассматриваемая связь жанра и стиля.

Своё видение этого вопроса предлагается в исследовании В. Микушевича, посвящённом частному использованию символа и аллегии как стилистических примет в средневековой миниатюре жанра бестиария, одного из наиболее популярных жанров эпохи. Проводя параллели между живописными и литературными текстами, В. Микушевич наделяет отмеченные стилистические приёмы ролью посредников между «красками и словом, когда свободная игра красок и линий с пленительной естественностью продолжалась в словах, сохраняя свой изобразительный приоритет», благодаря чему слово претерпевало разного рода преобразования, в результате которых «рисунок и буква влюблённо сочетались, впадали друг в друга, упоённые благопристойной грамотностью» [8, с. 231].

В бестиариях нашло характерное для готического искусства восприятие человеком природы. Природа для средневекового человека – объект прославления, источник жизни и гармонии, а не эмпирического изучения. В природе усматривается «сокровищница чудес» [10, с. 9].

По мнению К. М. Муратовой, в том раскрывается поэтический потенциал средневекового мышления и отношения к миру, где «волшебство и реальность были неотделимы друг от друга» [9, с. 25].

Британский стихотворный бестиарий был создан Филиппом Танским, представителем англо-нормандских поэтов, произведения которого сохранились до наших дней. Бестиарии Филиппа Танского предназначались для коронованных особ. Один из них (1121-1135 гг.) был написан для Аэлис, супруги короля Генриха I, патронессы изящной словесности, которая отдавала предпочтение поэзии «волшебной сказочности и фантазии». Ещё один бестиарий был посвящён королеве Алиеноре Аквитанской, состоявшей в браке с Генрихом II. Известно, во время переписывания к тексту бестиария скрибом были добавлены стихи, адресованные Филиппом Танским легендарной покровительнице искусств.

Необычайная восприимчивость англо-нормандской культуры XII века к фантастическому строю образов благоприятствовала развитию искусства бестиариев. Звучная нота кельтского фольклора, его затейливый, фантазийный мир находят отражение в доминанте «экзотических сюжетов, диковинных животных и чудесных приключений», склонности «к изображению тех животных, которые дают богатую пищу художественному воображению» [Там же, с. 29] (ср. [6, с. 12]).

Одной из ярких общих особенностей стиля миниатюрной живописи бестиария и стихотворных текстов можно рассматривать любовь к цвету, пришедшему на смену «технике нервного, живого рисунка пером» [9, с. 33].

Следует упомянуть также и о влиянии бестиария на всю последующую эпоху развития средневековой культуры, в частности, на «формирование гротескного строя образов, стирающего грани между игрой и жизнью, комическим и серьёзным, что придаёт позднесредневековой культуре особый насмешливый оттенок и эмоциональную остроту» [Там же, с. 50].

Текстовый материал рассказа «The Nun's Priest's Tale» из поэмы Дж. Чосера «The Canterbury Tales» предоставляет многочисленные доказательства справедливости представленных выше положений теоретического характера.

Примерами красочности изобилует, например, портретное описание главного персонажа рассказа, петуха по имени *Chauntecleer* (Шантеклер):

<i>His comb was redder than the fyn coral, And batailed, as it were a castel wal. His bile was blak, And as the jeet it shoon; Lyk asur were his legges, and his toon; His nayles whytter than the lilie flour, And lyk the burned gold was his colour</i> [13, p. 249].	Зубцам подобен крепостного вала, Роскошный гребень был красней коралла, А клюв его был чёрен, что гагат; Лазоревый на лапах был наряд, А епанча – с отливом золотистым А когти крепкие белы и чисты И золотистой свитой окружён [12, с. 228].

Тропы, зафиксированные в данном отрывке и буквально «нанизанные» друг на друга, представлены в основном сравнениями, объединяются общей принадлежностью к семантическому полю «цвет»: *redder than the fyn coral* (красней коралла), *blak as the jeet* (чёрен, что гагат), *lyk asur* (как лазурит), *whytter than the lilie flour* (белее цветка лилии), *lyk the burned gold* (подобно тёмному золоту).

Примечательно, что в портрете персонажа превалируют сравнения с драгоценными камнями и драгоценными металлами, что создаёт иллюзию сходства петуха с ювелирным изделием или с изображением в миниатюре, также характеризующейся сочностью и яркостью цветовой палитры, как отмечалось выше, соответствует тенденции англо-нормандской миниатюрной техники, пришедшей на смену тенденции донорманнской эпохи. По замечанию К. М. Муратовой, миниатюристов «околдовывает сказочная красота чистого локального цвета», создаваемая на основе строгих предписаний, разработанных в англо-нормандских скрипториях в эпоху господства романского искусства [9, с. 34].

Следует отметить, что трехцветная колористическая система «красный – белый – синий», на которой строится описание героя рассказа, является ещё одной точкой пересечения правил композиционного построения текстов словесного и живописного творчества эпохи Средневековья. В исследовании, посвящённом куртуазному быту и культуре французских авторов Ж. Брюнель-Лабришон и К. Дюамель-Амадо, отмечается всеобщая, повсеместная любовь к синему цвету, технология появления которого была открыта в XII веке. Известно, что со временем синий цвет обретает также и символическую нагрузку, природа которой

двойственна. С одной стороны, клерикальная, благодаря прочной ассоциации с культом Девы Марии, с другой – светская, поскольку королевские семьи признали его официальным цветом августейших особ. Кроме того, в данном цветовом соотношении находит отражение характерное для средневекового общества стремление к выстраиванию иерархических построений. Колористическая иерархия исполняла функции опознавательного кода, поскольку использовалась для иерархии в различных сторонах жизни, частным феноменом которой является иконография, представленная миниатюрой [3, с. 190-191]. Таким образом, искушённый читатель увидит в используемых украшениях речи коннотации и социокультурного плана, как религиозного, так и светского характера.

Цветовая доминанта звучит и в описании Лиса, увиденного петухом во сне. Однако отмеченные выше эпитеты *blak* (чёрный) и *reed* (красный) получают новое осмысление, будучи помещёнными в принципиально другое окружение:

*I saw a beste
His colour was bitwixe yelve and reed;
And tipped was his his tail,
and bothe his eres,
With blak, unlyk
the remenant of his heres;
His snowte small,
with glowinge eyen tweye* [13, p. 250].

А снилось мне, что будто по двору...
Зверь крадёт... видел ясно
Я мех пушистый,
длинный, жёлто-красный;
Конец хвоста и кончики ушей
Противу шкурки были потемней
А морда острая,
глаза колючи [12, с. 229].

При интерпретации данного текстового фрагмента важно принять во внимание особенность восприятия действительности человека эпохи Средневековья. Мотив сна в данном случае не случаен, поскольку, как указывает М. П. Алексеев, средневековому человеку была присуща склонность постигать окружающую его действительность «в отражении и, следовательно, преображённой, сознательно упорядоченной в форме видения или сна», чем и объясняется необычайная популярность такого рода литературной формы в Средние века [1, с. 17]. Лис выступает как воплощение злого начала, поэтому цвет *blak* (чёрный), в который окрашены «конец хвоста и кончики ушей», а также типичный для этого хищника цвет меха *reed* (красный) воспринимаются как коннотации вечной тьмы и адского огня. Это впечатление усиливается эпитетом *glowinge (eyen tweye)* (пара зловещих глаз, глаза, горящие недобрым, зловещим огнём), недвусмысленно указывающим на inferнальное происхождение хищника, как и на костёр, разожженный для душ грешников.

Описание самого костра также представлено в тексте поэмы, в речи супруги *Chauntecleer* (Шантеклера), курицы мадам *Pertelote* (Петелот):

*For fere of blake beres, or boles blake,
Or elles, blake develes wole hem take* [13, p. 251].

И чёрный бык, и чёрные медведи,
И черти чёрные, из чёрной меди [12, с. 230].

Нетрудно заметить, что для данного примера характерна высокая степень концентрации стилистических приёмов, способствующих презентации inferнальных реалий. Прежде всего, в соответствии с колористическим правилом средневековых миниатюр ярко выделяется колористическая линия, прослеживаемая в неоднократном повторении эпитета *blak* (чёрный) в сочетании с зооморфизмом *beres* (медведи). Отношение к этому животному в Средние века, как известно, не имело однозначного характера, а потому в некоторых сохранившихся по настоящее время легендах медведь предстаёт как воплощение мудрой силы, дружелюбно настроенный к человеку, но и как верное силам существо.

В ряд подобных примеров можно включить и сочетание *blake develes* (черти чёрные), где эпитет *blake* вступает с мифонимом *develes* (черти). Завершается картина вечного мрака, на который обречены души людей, предававшихся порокам во время земной жизни, третья комбинация эпитета *blak* (чёрный) с реалией *boles* (чан), уготованный для душ, обречённых на вечные муки.

Такого рода картина согласуется с характерным для средневекового жанра видения изображать зло таким образом, что «в итоге складывается ощущение могущества зла, владеющего миром» [1, с. 17].

В представленном ниже фрагменте рассказа встречается ещё одна деталь, которая роднит словесный и живописный текст. Речь идёт о мифониме *mermayde* (сирена):

*Chauntecleer
Song merrier than mermayde in the see;
For Physiologus seith sikerly,
How that they singen wel and merily* [13, p. 260].

петух
...распевал приятней... сирены,
о ней же утверждает «Бестиарий»,
Что в мире нет сладкоголосей твари [12, с. 240].

Упомянутый мифоним входит в качестве компонента сравнения «*Chauntecleer song merrier than mermayde in the see*» (петух распевал приятней... сирены), который можно интерпретировать как аллюзию не только на художественный текст. Представляется, что для средневекового читателя данный мифоним был известен из популярного средневекового сочинения «*Physiologus de naturis XII Animalum*» («Физиолог о двенадцати животных») Теобальда, книги, изобилующей небывальщиной о различных чудюдах, в том числе и сиренах [5, с. 546]. Мифоним *mermayde* (сирена) выступает также доказательством любви к экзотическим сюжетам о несуществующих странах и их обитателях.

Факторы, оказывающие влияние на процессы формирования художественного стиля разнообразны по своей природе, распределяясь по двум главным группам лингвистического и нелингвистического характера. Доминанта стилеобразующего фактора того или иного типа находится в непосредственной связи с этапом

культурно-социального развития, уровня этнически окрашенных достижений в области теории искусства. Анализ проблемы на материале жанра бестиария, представленного в поэме «The Canterbury Tales», показывает общие принципы формирования стиля, что можно наблюдать, в частности, на примере колористической лексики.

Список литературы

1. **Алексеев М. П.** Из истории английской литературы. Этюды, очерки, исследования. М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 499 с.
2. **Андреев М. Л.** Итальянское Возрождение: от стиля к жанру // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 297-326.
3. **Брюнель-Лабришон Ж., Дюамель-Амадо К.** Повседневная жизнь во времена трубадуров XII-XIII вв. М.: Молодая гвардия, 2003. 414 с.
4. **Дзенс И. О.** Жанр как точка зрения на мир (к проблеме типологической новеллы в творчестве Ф. Кафки) // Типология жанров и литературный процесс. СПб.: Образование, 1994. С. 45-53.
5. **Кашкин И.** Примечания // Кентерберийские рассказы. М.: Правда, 1988. С. 528-558.
6. **Кубасова А. О.** Образная характеристика человека в румынском языке через сравнения с животными и зоометафоры: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2008. 24 с.
7. **Лихачёв Д. С.** Развитие древнерусской литературы X-XVII вв. СПб.: Наука, 1998. 206 с.
8. **Микушевич В.** Карнавал бытия // Средневековый бестиарий. М.: Искусство, 1984. С. 229-239.
9. **Муратова К. М.** Средневековый Бестиарий // Средневековый Бестиарий. М.: Искусство, 1984. С. 5-52.
10. **Орехова Ю. С.** Анималистическая литература Франции: традиции и их трансформация в творчестве С. Г. Колет: автореф. дисс. ... к. филол. н. Калининград, 2008. 22 с.
11. **Чернец Л. В.** Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М.: Изд-во Московского университета, 1982. 192 с.
12. **Чосер Дж.** Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина и О. Румера. М.: Правда, 1988. 560 с.
13. **Chaucer G.** The Canterbury Tales. London: Wordsworth Editions Ltd., 1995. 632 p.

CATEGORY OF GENRE AS A STYLE-FORMING FACTOR (BY THE MATERIAL OF THE POEM "THE CANTERBURY TALES")

Vyshenskaya Yuliya Pavlovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
clemence_isaure@rambler.ru

The research is aimed to examine the category of genre as a style-forming factor in the epoch of the late Middle Ages and early Renaissance. The analysis is carried out on the basis of integrative approach and taking into account the socio-cultural and linguo-ethnic specifics of textual material borrowed from "The Nun's Priest's Tale" from the poem by G. Chaucer "The Canterbury Tales" interpreted as a genre of bestiary.

Key words and phrases: category of genre; style; historical stylistics and poetics; tropes and figures; bestiary; style-forming factors; genre marker.

УДК 811.58; 81(091); 81'374

Филологические науки

Статья посвящена анализу содержания двух разделов древнекитайского словаря «Эрья» (III в. до н.э.), содержащих ботаническую лексику, – «Объяснение трав» и «Объяснение деревьев». Дается перевод фрагментов текста указанных глав; рассмотрены категории растений, представленные в словаре. Показано, обозначения каких реалий растительного мира фиксирует словарь (названия разновидностей и сортов, плодов и частей растений, форм растительности, смежные понятия). Некоторое внимание уделено также наивным ботаническим представлениям древних китайцев, отраженным в словаре.

Ключевые слова и фразы: древнекитайский словарь «Эрья»; ботаническая лексика; «Объяснение трав»; «Объяснение деревьев»; наивная классификация растений.

Гурьян Наталья Викторовна, к. филол. н.

Школа педагогики Дальневосточного федерального университета
guryan-natalia@yandex.ru

О СОДЕРЖАНИИ РАЗДЕЛОВ С БОТАНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЙ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ «ЭРЬЯ»[©]

*Работа выполнена при поддержке гранта Школы педагогики ДВФУ, конкурс 2014 г.
(тема проекта: «Древнекитайский словарь «Эрья»: анализ разделов с ботанической лексикой»).*

Древнекитайский словарь «Эрья» (爾雅) («Приближение к правильному [языку]») считается одним из интереснейших и сложнейших для анализа лексикографических памятников, научная ценность которого